

Габриэль
Гарсиа Маркес

Нобелевская
премия

Двенадцать
рассказов-странников

[рассказы]

Габриэль Гарсия Маркес

Двенадцать рассказов- странников (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4387255

Двенадцать рассказов-странников: [рассказы]: АСТ: Астрель; Москва;

2011

ISBN 978-5-17-075394-9, 978-5-271-37896-6

Аннотация

Над рассказами, вошедшими в сборник, великий Маркес работал восемнадцать лет. Не потому ли, что писатель возвращался к ним снова и снова, все они восхищают отточенностью стиля, совершенством формы и удивительной точностью воплощения авторской идеи?

О людях, которые приносят в добровольное (или не очень) изгнание привычное ощущение жизни в центре магических, сюрреалистических событий – и невольно заражают им окружающих.

Двенадцать маленьких шедевров.

Двенадцать коротких историй о латиноамериканцах в Европе.

Барселона. Бразильская «ночная бабочка» одержима идеей научить своего пса оплакивать могилу, которая станет последним местом ее упокоения...

Женева. Изгнанный диктатор маленькой карибской страны становится постояльцем в доме водителя «скорой помощи»...

Тоскана. Семейство туристов неожиданно встречается с призраком в замке, где теперь обитает знаменитый писатель из Венесуэлы...

Что еще подарит Латинская Америка скучной и скучающей Европе – какое чудо, какую опасность?

Содержание

Пролог	5
Счастливого пути, господин президент!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Габриэль Гарсия Маркес

Двенадцать рассказов- странников (сборник)

Пролог

Почему двенадцать, почему рассказы и почему странники

Двенадцать рассказов этой книги были написаны на протяжении последних восемнадцати лет. Прежде чем они приняли эту форму, пять из них были журналистскими заметками и киносценариями, а один – сценарием телевизионного сериала. Еще один я рассказал пятнадцать лет назад в интервью, а мой друг, которому я его рассказал, записал его на магнитофон, а потом опубликовал, и теперь я заново написал его, основываясь на той версии. Это был необычный творческий опыт, и о нем стоит рассказать, хотя бы для того, чтобы дети, которые собираются стать писателями, знали, сколь ненасытен этот порок – испепеляющая страсть к писанию.

Первый раз замысел пришел мне в голову в начале семидесятых годов, когда я увидел вещий сон, в Барселоне, где

жил уже пять лет. Мне приснилось, будто я присутствую на собственных похоронах и иду вместе с друзьями, одетыми в торжественный траур, но настроение у нас – праздничное. Такое впечатление, что все мы счастливы оттого, что вместе. А я – больше всех счастлив, что смерть дала мне такую прекрасную возможность – снова оказаться вместе с моими друзьями из Латинской Америки, самыми старинными, самыми любимыми, и я хочу идти с ними и дальше, но один из них строго и решительно дает мне понять, что для меня праздник окончен. «Ты единственный, кто не может идти», – говорит он. И тут я понял, что умереть – значит никогда больше не быть с друзьями.

Почему-то я истолковал тот назидательный сон как осознание своей сущности и подумал, что это – хорошая отправная точка для того, чтобы написать о тех странных вещах, какие случаются с латиноамериканцами в Европе. Это была обещающая находка; незадолго до того я закончил «Осень Патриарха», быть может, самый мой рискованный и тяжелый труд, и не знал, куда направляться дальше.

Около двух лет я набрасывал приходившие мне в голову темы, не решив еще, что с ними делать. В тот вечер, когда я начал писать, у меня не было тетради, и дети дали мне школьную тетрадь. А потом, боясь, как бы она не потерялась, во время наших частых поездок возили ее в своих ранцах. Таким образом я записал шестьдесят четыре темы с такими подробностями, что оставалось лишь сесть и написать книгу.

В 1974 году в Мексике, куда я вернулся из Барселоны, мне стало ясно, что эта книга должна быть не романом, как я вначале думал, а сборником коротких рассказов, основанных на журналистских фактах, которые будут спасены от забвения тонким искусством поэзии. До того я написал три книги рассказов. Однако ни одна из трех не была задумана как единое целое, каждый рассказ был самостоятельным и случайным. Поэтому написать шестьдесят четыре рассказа, если бы удалось написать их на едином дыхании, соблюдая внутреннее единство тона и стиля, так, чтобы они неразрывно соединились в памяти читателя, представлялось мне увлекательной затеей.

Два первых рассказа – «По следу твоей крови на снегу» и «Счастлирое лето сеньоры Форбес» – я написал в 1976 году и сразу же опубликовал в литературных приложениях в разных странах. Я не позволял себе ни дня отдыха, но на середине третьего рассказа, который, разумеется, был рассказом о моих похоронах, я почувствовал, что устал больше, чем если бы писал роман. То же самое произошло, и когда я писал четвертый рассказ. Короче, у меня не хватило сил и духу довести дело до конца. И теперь я понимаю почему: на короткий рассказ тратишь столько же сил, сколько нужно, чтобы начать большой роман. Потому что в первом же абзаце романа надо определиться во всем: как писать – в каком тоне, стиле, ритме, знать, как длинен он будет, а иногда даже обрисовать характер какого-нибудь персонажа. Все остальное

– наслаждение самим процессом писания, требующим величайшего самоуглубления и одиночества, какое только можно себе представить, и если до конца своих дней ты не продолжаешь править и переписывать роман, то лишь потому, что та же самая железная сила, которая необходима, чтобы начать книгу, заставляет тебя закончить ее. А когда берешься за рассказ, там нет ни начала, ни конца: он или завязывается, или не завязывается. И если он не завязывается сразу, то – знаю и по собственному опыту, и по чужому – в большинстве случаев лучше начать его заново и совсем иначе или выкинуть в мусорную корзину. Кто-то, не помню кто, замечательно выразил это утешительной фразой: «Хороший писатель лучше узнается по тому, что он разорвал, чем по тому, что он опубликовал». По правде говоря, я не разорвал черновики и наброски, я поступил хуже: начисто о них забыл.

Помнится, эта тетрадка в Мексике на моем письменном столе тонула в ворохе бумаг до самого 1978 го да. Однажды я искал что-то совсем другое и подумал, что она давно уже не попадается мне на глаза. Но не обеспокоился. А когда понял, что ее и на самом деле не было на столе, я по-настоящему перепугался. В доме не осталось и угла, который бы я не обшарил. Мы двигали мебель, снимали с полок книги, чтобы убедиться, что тетрадка не завалилась за них, и подвергли непростительным расспросам службу и друзей. Никакого следа. Единственно возможное – или приемлемое? – объяснение: расчищая в очередной раз стол от бумаг, что я

делаю часто, я вместе с бумагами отправил в мусорную корзину и тетрадь.

Меня удивила собственная реакция на это: вспомнить темы, о которых я думать не думал почти четыре года, стало для меня делом чести. Я старался вспомнить их во что бы то ни стало и с таким напряжением, как если бы писал, и в конце концов восстановил наброски к тридцати из них. А поскольку, вспоминая, я одновременно подвергал их строгому отбору, то без особого сожаления отбросил те, из которых, как мне показалось, ничего нельзя было сделать, и в результате осталось восемнадцать. На этот раз я намерен был писать их сразу, без передышки, но вскоре понял: запал у меня прошел. Однако же вопреки тому, что я всегда советовал начинающим писателям, я не выбросил их на помойку, а снова отложил и убрал. На всякий случай.

Когда я начал писать «Историю одной смерти, о которой знали заранее» в 1979 году, я понял, что, делая перерывы между книгами, я теряю навык, и мне с каждым разом становится все труднее начинать новую работу. И потому в период между октябрём 1980 года и мартом 1984 я каждую неделю писал журналистские заметки для газет разных стран – ради дисциплины и чтобы перо не остывало. Именно тогда мне подумалось, что мой конфликт с набросками в той тетради связан с определением их литературного жанра и что все-таки это должны быть не рассказы, а газетные очерки. И только после того, как я опубликовал пять очерков, написанных

на основе набросков из тетради, я снова переменял мнение: они больше подходят для кино. И так были написаны пять сценариев для кино и один – для телевизионного сериала.

Не предвидел я одного – что работа для газеты и для кино может изменить мои собственные представления относительно рассказов, так что, когда я стал писать их в том виде, в каком они теперь выходят в свет, мне приходилось тщательно, пинцетом, отделять мои собственные представления от тех, которые были привнесены режиссерами во время работы над сценариями. И кроме того, одновременная работа с пятью разными творческими личностями подсказала мне новый метод: я начинал писать рассказ, когда выдавалось свободное время, и откладывал его, когда уставал или возникала какая-нибудь непредвиденная работа, а потом начинал другой. Таким образом немногим более чем за год шесть из восемнадцати тем оказались в мусорной корзине, и среди них – рассказ о моих похоронах, потому что мне так и не удалось описать радостное настроение праздника, которое я пережил во сне. Остальные же рассказы, похоже, обрели дыхание на долгую жизнь.

Вот они, двенадцать рассказов этой книги. В сентябре прошлого года они уже были готовы к печати – после двух лет работы с перерывами. И так бы они, наверное, окончили свое бесконечное странствие со стола в мусорную корзину и обратно, да в последний момент меня снова царапнуло сомнение. Поскольку разные города Европы, в которых проис-

ходят события моих рассказов, я писал по памяти и по прошествии времени мне захотелось проверить, точно ли помнились мне они спустя почти двадцать лет, и я отправился в короткую опознавательную поездку в Барселону, Женеvu, Рим и Париж.

Ни один из этих городов уже не имел ничего общего с моими воспоминаниями. Все они, как и вся сегодняшняя Европа, предстали мне в диковинном смещении: подлинные воспоминания казались мне призраками, рожденными фантазией, в то время как воспоминания выдуманные выглядели так убедительно, что подменили собой реальность. Так что казалось невозможным различить линию, отделявшую разочарование от ностальгической грусти. И это решило дело. Я наконец-то нашел то, чего мне более всего не хватало, чтобы закончить книгу, и что могли дать мне лишь прошедшие годы, – временную перспективу.

Путешествие удалось, и, возвратившись, я еще раз с начала до конца переписал все рассказы за восемь месяцев лихорадочной работы, и мне не было нужды задаваться вопросом, где кончается реальная жизнь и начинается воображение, ибо помогало подозрение: может статься, ничто из пережитого мною двадцать лет назад в Европе не было подлинным. На этот раз я писал взахлеб, так что порою казалось, что пишу исключительно ради чистого наслаждения рассказать, и быть может, это человеческое состояние более всего походит на левитацию. Кроме того, работая одно-

временно над всеми рассказами и свободно перескакивая от одного к другому, мне удалось достичь панорамного видения, что спасло от усталости, которая одолела бы меня, начиная я каждый рассказ в отдельности, и помогло справиться с праздным многословием и губительными противоречиями. По-моему, мне удалось написать книгу, наиболее приближенную к той, какую всегда хотелось написать.

Вот она, эта книга, можно подавать к столу, после того как рассказы столько странствовали туда-сюда, борясь за то, чтобы пережить превратности сомнений. Все рассказы, кроме двух первых, были закончены одновременно. И расположены они в том же порядке, в каком были расположены в тетради.

Я всегда считал, что окончательный вариант рассказа лучше, чем предыдущий. Но как узнать, какой должен стать последним? Это – секрет ремесла, и он подчиняется не законам разума, а магии инстинктов, – точно так же повариха знает, когда суп готов. Во всяком случае, при всех сомнениях я не стану перечитывать их, как никогда не перечитывал ни одной своей книги, чтобы потом не казнить. Тот, кто их прочтет, сам поймет, что с ними делать. К счастью для этих двенадцати рассказов-странников, оказаться в конце концов в мусорной корзине будет облегчением: все равно что вернуться домой.

Счастливого пути, господин президент!

Он сидел на деревянной скамье под желтой листвой в обезлюдевшем парке, опершись руками о серебряный набалдашник трости, глядел на пыльных лебедей и думал о смерти. Когда он приехал в Женеву в первый раз, озеро было спокойным и прозрачным, прирученные чайки подлетали и клевали прямо с ладоней, а женщины, которых можно было нанять за деньги, все в оборках из органди и в шелковых шляпах, казались призраками в шесть часов вечера. Теперь единственной доступной женщиной в поле его зрения была цветочница на пустынной набережной. С трудом верилось, что время способно произвести подобные разрушения не только в его жизни, но и в окружающем мире.

Он был еще одним безвестным в этом городе, полном безвестных знаменитостей. В темно-синем костюме в белую полосу, парчовом жилете и жесткой шляпе, какую носят отставные судьи; заносчивые мушкетерские усы, отливающие голубизной; густые, романтические кудри; руки, точно у арфиста, вдовцовское кольцо на безымянном пальце левой руки, веселые глаза. Только усталая кожа выдавала нездоровье. И все равно он оставался необыкновенно элегантным в свои семьдесят три года. В то утро, однако, в нем не было и тени

тщеславия. Время славы и власти безвозвратно осталось позади, ему оставалось лишь время смерти.

Он вернулся в Женеву после двух мировых войн, в намерении выяснить наконец, что это за боль, которую никак не могли определить врачи на Мартинике. Он собирался пробыть тут не более двух недель, но уже шесть недель его подвергали изнурительным обследованиям, и конца им не было видно, а результаты не давали ясности. Боль искали в печени, в почках, в поджелудочной железе и в простате, где ее как раз не было вовсе. И наконец в один злосчастный четверг самый знаменитый доктор из полчища докторов, осматривающих его, назначил ему прием на девять утра в неврологическом отделении.

Кабинет походил на монашескую келью, а у самого доктора, маленького и мрачного, правая рука была в гипсе из-за перелома большого пальца. Когда свет погас, на экране засветился снимок позвоночника, который он не признал за свой, пока доктор не показал указкой место ниже пояса, где соединялись два позвонка.

– Ваша боль – здесь, – сказал он.

Он не считал, что все так просто. Боль была непонятной и ускользающей, иногда она появлялась в правом подреберье, иногда в низу живота, а случалось, внезапно пронзала пах. Доктор терпеливо выслушал его, молча и не отрывая указки от экрана.

– Потому-то мы так долго и не могли ее найти, – сказал

он. — Но теперь знаем, что она тут. — Потом приложил указательный палец к виску и уточнил: — Хотя, строго говоря, господин президент, вся боль — тут.

История его обследования складывалась так драматично, что окончательный приговор показался милостивым: президенту надлежало подвергнуться неминуемой и рискованной операции. Президент спросил, какова степень риска, и старый доктор, как мог, осветил этот полный неясности вопрос.

— Наверняка нельзя сказать, — ответил он.

И уточнил, что совсем недавно риск рокового исхода был очень велик, но еще чаще дело кончалось параличами различной степени тяжести. Однако благодаря достижениям медицины в двух последних войнах эти страхи отошли в прошлое.

— Ступайте спокойно, — заключил он. — Подготовьтесь хорошенько и известите нас. И не забывайте: чем раньше, тем лучше.

Это было не самое удачное утро, чтобы переварить столь дурную новость, да еще при такой непогоде. Он вышел из отеля очень рано, без пальто, потому что в окно увидел сияющее солнце, и, медленно ступая, прошел от Шмен-де-Бослей, где находилась клиника, до Убежища тайных влюбленных в Английском парке. Он пробыл в парке больше часа, неотступно думая о смерти, и тут осень настигла его. Озеро взволновалось, точно штормовой океан, налетел ветер, разметал чаек и сорвал последние листья с деревьев. Прези-

дент поднялся и, вместо того чтобы купить цветок у цветочницы, сорвал в садовом вазоне маргаритку и вставил себе в петлицу. Цветочница удивилась.

— Эти цветы — не Божьи, — сказала она недовольно. — Эти цветы — мэрии.

Он и бровью не повел. И пошел прочь большими легкими шагами, крепко перехватив трость посередине и поигрывая ею с несколько развязной грацией. На мосту Мон-Бланш спешно снимали флаги Конфедерации, взбесившиеся на ветру, и высокую фонтанную струю, увенчанную пеной, выключили раньше времени. Президент не узнал хорошо знакомого кафе на набережной — зеленый полотняный навес убрали заблаговременно, а теперь запирали летние террасы, уставленные цветочными горшками. В зале среди дня горели лампы, и струнный квартет уже наигрывал Моцарта. Президент взял из кипы газет на стойке, приготовленных для клиентов, одну, оставил трость и шляпу на вешалке, надел очки в золотой оправе, собираясь сесть за столик почитать, и только тут понял, что осень уже наступила. Он начал читать с международной страницы, где изредка попадались сообщения о латиноамериканских странах, и так читал, от последних страниц к первым, пока официантка не принесла ему, как обычно, бутылку минеральной воды «Эвиан». Вот уже тридцать лет, как он по настоянию врачей отказался от привычки к кофе. Но сказал себе: «Когда я буду знать точно, что скоро умру, снова начну пить его». Возможно, этот момент настал.

– И еще принесите мне кофе, – заказал он на прекрасном французском. И уточнил, не пренебрегая двусмысленностью: – По-итальянски, каким мертвецов поднимают.

Он выпил его без сахара, медленными глотками, а потом поставил чашечку на блюде кверху дном, чтобы кофейный осадок, столько лет не вопрошаемый, начертал его судьбу. Снова ощутив давний вкус кофе, он на миг отвлекся от тяжелых мыслей. А в следующий миг – словно в продолжение того же колдовства – почувствовал, что кто-то на него смотрит. Он как бы невзначай перевернул страницу, а сам посмотрел поверх очков и увидел бледного небритого человека в спортивной шапочке и куртке из выворотной кожи, который тотчас же отвел глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом.

Лицо было ему знакомо. Они несколько раз встречались в вестибюле клиники, потом он видел его ехавшим на легком мотоцикле по Променад-дю-Лак, в то время как сам он созерцал лебедей, но ни разу он не почувствовал, что тот его узнал. Не исключено, однако, что это просто фантазия, эдакая мания преследования, рожденная изгнанием.

Он не спеша дочитал газету, купаясь в изысканных пассажах Брамса, пока боль не пересилила наркотическое действие музыки. Тогда он глянул на золотые часы с цепочкой, которые носил в кармане жилета, и принял две полагавшиеся в полдень таблетки, запив их последним глотком «Эвиана». Прежде чем снять очки, он попробовал прочесть судьбу на кофейной гуще и вздрогнул: полная неясность.

Наконец, расплатившись по счету и оставив нищенские чаевые, он взял с вешалки трость и шляпу и вышел на улицу, не взглянув на наблюдавшего за ним человека. Он пошел прочь веселым шагом, обходя разбитые ветром цветочные вазоны, и решил, что ему удалось избавиться от наваждения. Но вдруг почувствовал за спиною шаги: он свернул за угол, остановился и полуобернулся. Человек, преследовавший его, резко остановился, чтобы не наткнуться на него, и замер, испуганно уставясь на президента, всего в двух прыжках от его глаз.

– Сеньор президент, – пролепетал он.

– Скажите тем, кто вам платит, чтобы не строили иллюзий, – сказал президент, ни теряя при этом ни улыбки, ни обаяния в голосе. – Здоровье мое превосходно.

– Никто лучше меня этого не знает, – сказал человек, придавленный тяжестью обрушенного на него достоинства. – Я работаю в клинике.

И говор, и интонация, и даже робость были у него чистого карибского замеса.

– Неужели врач? – сказал президент.

– Ну, до этого далеко, – сказал человек. – Я – шофер «скорой помощи».

– Сочувствую, – сказал президент, убедившись в своей ошибке. – Тяжелая работа.

– Не такая тяжелая, как ваша, сеньор.

Президент посмотрел ему прямо в глаза, оперся о трость

обеими руками и спросил с искренним интересом:

– Откуда вы?

– С Карибов.

– Это я уже понял, – сказал президент. – Из какой страны?

– Из той же, что и вы, сеньор, – сказал человек и протянул ему руку. – Меня зовут Омеро Рей.

Изумленный президент перебил, не выпуская его руки из своей:

– Черт возьми! Какое славное имя!

Омеро перевел дух.

– И это еще не все, – сказал он. – Омеро Рейде-ла-Каса¹.

Порыв зимнего ветра ножом полоснул по ним, беззащитным посреди улицы. Президента пронзило до костей, и он понял, что не в силах будет прошагать без пальто еще два квартала до дешевой харчевни, где обычно обедал.

– Вы обедали? – спросил он у Омеро.

– Я никогда не обедаю, – ответил Омеро. – Я ем один раз, вечером, дома.

– Сделайте сегодня исключение, – сказал президент, вкладывая в эти слова все обаяние, на какое был способен. – Я приглашаю вас отобедать со мной.

И, взяв его под руку, повел к ресторану на другую сторону улицы, название которого золотыми буквами было выведено на парусиновом навесе: «Le Voeuf Couronné»². Внутри было

¹ Гомер Король Дома (*исп.*).

² «Коронованный бык» (*фр.*).

тесно и жарко и, похоже, не осталось ни одного свободного места. Омеро Рей, удивленный, что никто не узнает президента, направился в глубину зала за помощью.

– Действующий президент? – задал вопрос хозяин ресторана.

– Нет, – ответил Омеро. – Свергнутый.

Хозяин одобрительно улыбнулся.

– Для этих, – сказал он, – я всегда держу столик в запасе.

Он провел их в дальний угол зала, где они могли разговаривать сколько душе угодно. Президент поблагодарил его.

– Не всякий умеет, подобно вам, отдать дань достоинству в изгнании, – сказал он.

Фирменным блюдом ресторана были жаренные на углях бычьи ребра. Президент и его гость огляделись вокруг и увидели на столах огромные куски мяса, окаймленные нежным жирком. «Великолепное мясо, – пробормотал президент. – Но мне оно запрещено». И, пристально поглядев на Омеро, сказал уже другим тоном:

– По правде говоря, мне запрещено все.

– Кофе тоже запрещен, – сказал Омеро, – однако же вы его пьете.

– Вы заметили? – сказал президент. – Но это было исключение ради исключительного дня.

Исключение в этот день было сделано не только для кофе. Он заказал бычьи ребра, салат из свежих овощей, заправленный только оливковым маслом. Гость его попросил то же са-

мое и еще полкувшина красного вина.

Пока ждали мясо, Омеро достал из кармана пиджака бумажник без денег, но с ворохом разных бумажек, и показал президенту выцветшую фотографию. Тот узнал себя: в рубашке с коротким рукавом, на несколько фунтов легче, а волосы и усы намного чернее, чем теперь, в окружении молодых людей, изо всех сил тянувшихся, чтобы выйти на фотографии. Он сразу узнал место, узнал эмблемы ненавистной предвыборной кампании и тот несчастливый день. «Что за черт, – пробормотал он. – Я всегда говорил, что человек на фотографии старится быстрее, чем в жизни». И возвратил фото таким жестом, словно ставил точку.

– Прекрасно помню, – сказал он. – Это было тысячу лет назад в маленьком селении Сан-Кристобаль-де-лас-Касас.

– Мое родное селение, – сказал Омеро и показал себя на снимке. – Вот он я.

Президент узнал его.

– Совсем мальчишка!

– Почти, – сказал Омеро. – Я был с вами все время в поездке по югу, руководил университетскими бригадами.

Президент предупредил упрек.

– А я, конечно, вас не замечал, – сказал он.

– Наоборот, вы очень хорошо к нам относились. Просто нас было много, всех не упомнишь.

– А потом?

– Кому знать лучше? – сказал Омеро. – Чудо, что после

военного переворота мы с вами тут и собираемся съесть полбыка. Не всем так повезло.

Им принесли тарелки. Президент заложил салфетку за воротник, точно детский слюнявчик, и не остался бесчувственным к нему удивлению гостя. «Иначе за каждой едой пропадало бы по галстуку», – проговорил он. Прежде чем приняться за еду, он проверил, готово ли мясо, и, одобрительно кивнув, вернулся к теме.

– Одного не могу понять, – сказал он. – Почему вы не подошли раньше, вместо того чтобы ходить за мною, как шпик.

И тогда Омеро рассказал, что узнал его сразу, когда тот входил в клинику через вход, предназначенный для особых случаев. Лето стояло в разгаре, и на нем был белый полотняный костюм, двухцветные черно-белые туфли, маргаритка в лацкане пиджака, а великолепные волосы ерошил ветер. Омеро узнал, что в Женеве он – один, никто ему не помогает, он прекрасно помнит город еще с тех времен, когда учился тут на юриста. Дирекция клиники, по его просьбе, отдала соответствующие распоряжения, чтобы обеспечить ему полное инкогнито. В тот же вечер Омеро, посоветовавшись с женой, решил подойти к нему. Однако же он ходил за ним еще целых пять недель, выжидая подходящего случая, и, возможно, так и не осмелился бы поздороваться, если бы президент сам не встал лицом к лицу с ним.

– Я рад, что сделал так, – сказал ему президент. – Хотя, по правде говоря, одиночество меня не тяготит.

– Это несправедливо.

– Почему? – искренне удивился президент. – Главная победа моей жизни – я добился, что меня забыли.

– Мы помним вас гораздо больше, чем вы думаете, – сказал Омеро, не скрывая волнения. – Большая радость – видеть вас таким здоровым и молодым.

– А между тем, – сказал президент безо всякого драматизма, – все указывает на то, что я скоро умру.

– У вас такие способности выходить из любого положения, – сказал Омеро.

От удивления президент подпрыгнул, и это получилось у него весьма изящно.

– Черт возьми! – воскликнул президент. – Разве в прекрасной Швейцарии врачебная тайна отменена?

– Ни в одной больнице на свете нет тайн от шофера «скорой помощи», – сказал Омеро.

– То, что я знаю, я узнал всего два часа назад, и от того единственного, кому это следует знать.

– Что бы ни случилось, ваша смерть не будет напрасной, – сказал Омеро. – Найдутся люди, которые поместят вас куда надлежит, как пример высокого достоинства.

Президент изобразил на лице комическое изумление.

– Спасибо за предупреждение, – сказал он.

Он ел так же, как делал все: не торопясь и очень аккуратно, и, пока ел, глядел Омеро прямо в глаза, так что тому казалось, будто он видит его мысли. А в конце долгой бе-

седы, пересыпанной ностальгическими воспоминаниями, на его лице появилась недобрая усмешка.

– Я было решил не беспокоиться о судьбе собственного трупа, – сказал он. – Но теперь вижу: пожалуй, следует принять некоторые предосторожности в духе полицейских романов, чтобы никто его не нашел.

– Бесполезно, – пробормотал Омеро. – В больницах ни одна тайна не держится дольше часа.

Когда допили кофе, президент посмотрел гущу на доннышке чашки и снова вздрогнул: смысл был тот же самый. Однако бровью не повел. Он расплатился наличными, но сперва несколько раз проверил счет и несколько раз с излишним тщанием пересчитал деньги, оставив такие чаевые, что официант лишь угрюмо буркнул.

– Я получил искреннее удовольствие, – подвел он итог, прощаясь с Омеро. – Я пока не знаю, когда операция, и пока не знаю, решусь ли на нее. Но если все пройдет благополучно, мы еще увидимся.

– А почему не раньше? – спросил Омеро. – Моя жена Ласара – повариха для богатых. Никто лучше нее не приготовит риса с креветками, и нам бы очень хотелось, чтобы вы пришли к нам как-нибудь вечером.

– Дары моря мне запрещены, но я с превеликим удовольствием отведаю их, – сказал он. – Говорите – когда.

– В четверг у меня свободный день, – сказал Омеро.

– Прекрасно, – сказал президент. – В четверг в семь вече-

ра я буду у вас. С удовольствием.

– Я заеду за вами, – сказал Омеро. – Отелери Даме, четырнадцать, улица Индустри. За вокзалом. Правильно?

– Правильно, – сказал президент и встал из-за стола – самообаяние. – Я вижу, вам известен даже размер моих туфель.

– Конечно, сеньор, – сказал Омеро, развеселясь, – сорок первый.

Одного не сказал Омеро Рей президенту, хотя долгие годы потом рассказывал это направо и налево, каждому, кто хотел услышать: первоначальное намерение его не было столь невинно. Как и у всех шоферов клиники, у него была договоренность с похоронными конторами и страховыми компаниями относительно пациентов, особенно иностранцев со скудными средствами. Доходы были мизерными, к тому же их приходилось делить с другими служащими, передававшими по цепочке секретную информацию о тяжелых больных. И все-таки это было подспорьем для изгнанника, не имевшего никакого будущего и с трудом перебивавшегося вместе с женой и двумя детьми на смехотворное жалованье.

Ласара Дэвис, его жена, была более практичной. Типичная пуэрто-риканская мулатка из Сан-Хуана, плотная и низкорослая, с кожей цвета жженого сахара и глазами свирепой суки, вполне соответствующими ее нраву. Они познакомились в отделении, где лечили больных из милосердия и куда она поступила работать санитаркой на подхвате после того,

как один рантье, ее соотечественник, завез ее в Женеву в качестве няньки, а потом бросил на волю судьбы. Они обвенчались по католическому обряду, хотя она была принцессой из племени йоруба, и жили в квартире из гостиной и двух спален, на восьмом этаже, без лифта, в доме, населенном африканскими иммигрантами. У них была дочка Барбара девяти лет и сын Ласаро, семи, с незначительными признаками умственной отсталости.

Ласара Дэвис обладала умом, скверным характером и нежным нутром. Она считала себя ярко выраженным Тельцом и слепо верила в предначертания звезд. Однако ее мечта зарабатывать на жизнь в качестве астролога миллионеров не исполнилась. Все наоборот: она поддерживала дом случайными заработками, иногда довольно значительными, приготавливая ужины богатым дамам, которые потом бахвалились перед своими гостями возбуждающими антильскими кушаньями, якобы состряпанными собственноручно ими. Омеро был церемонно робок и не способен на большее, чем делал, однако Ласара не мыслила себе жизни без него, ибо в полной мере ценила невинность его сердца и калибр его ствола. Жили они ладно, хотя жизнь с годами становилась все жестче, а дети подрастали. К тому времени, когда появился президент, они уже начали пощипывать свои сбережения за пять лет. Так что, когда Омеро Рей обнаружил его в клинике среди больных-инкогнито, мечты их разгулялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.